

О ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ Е. О. — ВИНАВЕР М. Л.

ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ Екатерина Осиповна, родилась в 1903 в Санкт-Петербурге. Проживала в Петрограде, была студенткой Педагогического института. Приняла католичество, пострижена в монахини. Прихожанка церкви Сошествия Св. Духа. В ночь с 10 на 11 января 1924 — арестована по групповому делу русских католиков. 19 мая 1924 — приговорена к 8 годам тюремного заключения и отправлена в Суздальский политизолятор.

В августе 1927 — к М. Л. Винаверу обратился за помощью ее отец, Осип Преображенский.

<11 августа 1927>

«Глубокоуважаемый Михаил Львович!

Во время недавнего приезда Вашего сюда мне удалось Вас повидать и воспользоваться любезною и доброжелательною консультацией по делу моей дочери, Екатерины Осиповны Преображенской, которую мне очень хочется изъять из того заточения, в которое она попала 3½ года тому назад (по делу русских католиков?).

Чтобы восстановить в Вашей памяти мои объяснения, считаю необходимым сказать, что около 1-VI с<его> г<ода> мною направлено прошение в президиум ЦИК СССР о досрочном освобождении моей дочери и о возвращении ее домой, ко мне, под личную мою за нее ответственность и поручительство. Ответа на него я еще не получил.

О необходимости подачи соответствующего прошения со стороны дочери мною ей было сообщено (согласно указаниям Вашим), но на прошение это, поданное ею в ВЦИК, по-видимому, в конце июня с<его> г<ода>, дочь моя, как я узнал из письма ее, только что мною полученного, получила отказ через 2 недели (странная быстрота!¹).

Так как я не получил еще пока от ЦИК СССР никакого ответа, льщу себя надеждой, что дело может быть пересмотрено еще раз. Не знаю только, следует ли дочери подать еще раз прошение в высшую инстанцию?

После 3½ лет заключения дочери для меня, вне всяких субъективных чувств отца, остается совершенно непонятным, почему в отношении дочери применяется такое строгое взыскание. Тут произошло какое-то, по-видимому, недоразумение, основанное на каком-то подлом оговоре, который (не зная) нельзя опровергнуть, и потому я убедительно прошу Вас, сколько можно, принять возможно ближе к сердцу дело. Вместе с тем пишу краткое письмо и Екатерине Павловне.

Вина дочери заключается, я убежден, если нет какого-либо оговора (на который мне делались намеки со стороны²), лишь в том, что она попала в кружок лиц, почитающих религию и неблагонадежных с точки зрения политической. Еще более уверен, что дочь моя, по молодости (20 л<ет>) и скромности не могла играть какой-либо активной роли и была в этом случае лишь объектом влияния таких сильных и образованных лиц, как обаятельная, как я слышал, Данзас³ и т<ак> н<азываемый> отец Леонид⁴.

При такой квалификации проступка дочери осуждение ее на 5-ти летнее заключение — совершенно несуразно. Еще менее понятна

¹ Очевидно — не пересматривали дело.

² Мне говорили, что какой-то оговор дочери сделан какою-то женщиной, имевшей отношение к кружку тех же лиц.

³ Юлия Николаевна Данзас.

⁴ Леонид Иванович Федоров, экзарх русских католиков.

стойкость, с которой можно было бы отказаться от снижения меры взыскания после 3½ лет и после того, как сделаны по тому же делу послабления в отношении др<угих> лиц, игравших роль в деле и осужденных на более продолж<ительные> сроки (10 лет).

Так, Данзас и Леонид ходят, говорят, уже больше года на свободе⁵, в марте или апреле с<его> г<ода> освобожден Прилежаев⁶ (живет в Казани), после годичного заключения освобождена Пруссак Анна Владим<ировна>, по болезни, с возвращением в Ленинград и с возвращением на службу в качестве преподавательницы (правда, за нее хлопотала жена ее брата, партийная, состоящая где-то губ<ернским> прокурором...)

Все это настойчиво возвращает меня к предположениям об оговоре дочери и к какому-то досадному недоразумению, допущенному ГПУ в деле по отношению к дочери, и говорит о необходимости пересмотра материалов следствия и несколько иного, истинного освещения дела.

Не откажите просмотреть копии моих старых прошений, в которых, впрочем, говорится то, что я уже сказал выше. Если же Вы имеете доступ к материалам ГПУ, то не откажите просмотреть именно их и найти ту роковую ошибку, которая мешает удовлетворению моих домогательств о возвращении дочери домой, при болезненном ее состоянии.

P. S. Не откажите уведомить меня коротко и срочно, если можно, о том, что мне следует делать. Не следует ли побывать лично у т<оварища> Енукидзе (в таком случае нужен пропуск).

Нельзя ли на тот случай, если бы дочери не разрешили въезд в Ленинград, избрать для жительства хотя бы г<ород> Любань (Новгор<одской> губ<ернии>)»⁷.

Осенью 1927 — Екатерина Осиповна Преображенская была переведена в Ярославский политический изолятор. В 1931 — освобождена и отправлена на 3 года в ссылку в село Колпашево Нарымского края, позднее была переведена в Пермь⁸.

⁵ 19 мая 1924 — Юлия Николаевна Данзас приговорена к 10 годам тюрьмы и отправлена в Иркутский изолятор, а весной 1928 — переведена в Соловецкий лагерь.

10 августа 1926 — Леонид Иванович Федоров арестован, 18 сентября приговорен к 3 годам ИТЛ и 26 сентября отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения.

⁶ Сергей Николаевич Прилежаев. 10 января 1924 — арестован по групповому делу русских католиков. 19 мая приговорен к 10 годам тюремного заключения.

⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 186. С. 176-178. Автограф.

⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1: Д. 224. С. 88-92; Д. 373. С. 72; Д. 395. С. 66-67, 105-106, 131-132, 141-144, 151-157; Д. 396. С. 179-192; Д. 398. С. 179-180; Д. 737. С. 150-161; Д. 848. С. 26-31, 79-81.